

ТЭОРЫЯ І ГІСТОРЫЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 392:[165.191+7.046.1](476)

О. В. Котович

Мотив «добраивания» мира в традиционных мифоритуальных практиках белорусов

Рассматривается мифопоэтическая картина мира, в которой концепты «трансцендентное» и «имманентное» вступают в сложнейшие отношения, построенные на нормах и правилах, устоявшихся в обществе. Определяется феномен устройства мира, который зиждется на ритуально-обрядовых практиках, связанных с рождением ребенка. Смыслообразующая идея конструирования/«добраивания» мира основывается на интенции возвращения в эпоху мифического золотого века и одновременно самоорганизации системных структур с целью удержания равновесия между хаосом и космосом. Структурно-функциональный и сопоставительный анализ позволяют сделать вывод о типологическом тождестве мифологических моделей трансформации хаоса в космос на уровне планетарном, антропокосмическом (ритуально-обрядовый комплекс в системе традиционного календаря).

Ключевые слова: трансформация, обновление и «добраивание» мира, трехуровневая модель, миф, ритуально-обрядовые практики.

O. Kotovich

Motive of "completing" the world in the traditional mythological and ritual practices of Belarusians

The article examines the mythopoetic picture of the world in which the transcendent of the upper and immanent of the middle world enter into the most complex conventional relations. The article defines the phenomenon of the structure of the world, which is based on ritual and ceremonial practices associated with the birth of a child. The sense-forming idea of constructing/"completing" the world is based on the intention of returning to the era of the mythical golden age and at the same time self-organizing systemic structures in order to maintain a balance between chaos and space. Structural-functional and comparative analysis allow us to draw a conclusion about the typological identity of the mythological models of the transformation of chaos into space at the planetary, anthropocosmic level (ritual and ceremonial complex in the system of the traditional calendar).

Key words: transformation, renewal and "completion" of the world, three-level model, myth, ritual and ritual practices.

Мифопоэтическая картина мира славянских народов представляет модель, в которой сосуществуют три горизонта космической иерархии.

Верхний горизонт Мирового Древа принадлежит пантеону славянских богов и культурным героям – основателям человеческого рода. Нижний горизонт «заселен» представителями демонологии, хтоническими существами и предками. Пространство жизнедеятельности человека находится посередине. Мифы как вербальное воплощение космогонической событийности не только отразили эпоху божественного первотворения, но сохранили за собой статус сакральности, священности благодаря тому, что и сами являются результатом первотворения.

Цель статьи – раскрыть мифосемантические аспекты космогонического мотива «добраивания» мира в традиционных мифоритуальных практиках белорусов.

В мифопоэтическом наследии белорусского народа широко представлен универсальный мифологический мотив «добраивания» мира. В архетипическом виде он отражен в космогонических преданиях. Приведем пример одного из мифов о мироустройстве: «Однажды Бог спустился на Землю, идет по деревне и видит, как мужик городит забор соломой. На вопрос Творца: “Что ты делаешь?” – последовал ответ: “На мой век хватит, мне через три дня умирать”. Бог призадумался и забрал у человека знание о дне своей смерти». Ответом на эту мифологему стала философская максима: *«Паміраць збірайся, а жыта сей!»*.

Согласно М. Элиаде, мотив «добраивания» мира является ключевым структурно-функциональным ядром в мифах-заговорах, в текстах-архетипах, имеющих целительскую направленность. Недуг, который разладил состояние человека, исцелялся путем «добраивания» мира индивида. Так, знахарь приводил больного в мифологический центр мира и запускал процесс ритуального обновления миротворения [12, с. 40].

Интерпретация эмпирического белорусского материала, обряды белорусского народного календаря, ритуально-обрядовые практики семейно-родовой направленности, а также окказиональные ритуалы свидетельствуют, что любая устоявшаяся картина мира «домысливается»/«добраивается». Во всем многообразии мифоритуальных практик существует типологическая матрица-универсум, которая становится парадигмой актуализации.

Глобальными формами конвенциональности обладают ритуалы традиционного календаря. Так, интенция миротворения исходит из действий колядников, приходящих в дом с вестью о необходимости совместных церемоний, направленных на обновление Космоса, который, в свою очередь, привнесет порядок в последовательность мироустройства крестьянской усадьбы. Поэтому символика колядных песен отражает космическую проекцию в пространство крестьянской избы: семья – это Космос, а космос – это мироустройство семьи. Процесс актуализации колядно-новогодних практик проанализирован в исследованиях К. Леви-Стросса [9, с. 166–169], М. Элиаде [13, с. 362–364], В. Я. Проппа

[10, с. 25–34] и др. О. В. Котович и И. И. Крук раскрывают мифологический и сакрально-магический смысл и символику колядных обрядовых действий, атрибутов, главных персонажей ритуально-обрядового комплекса белорусов [5, с. 25–34].

Ритуально-обрядовая практика, не противоречащая космическому порядку, сотворенному богами, «достраивала» годовой цикл. Участвуя в колядно-новогоднем комплексе ритуалов с участием всех членов общества, человек как будто выстраивал матрицу будущей жизни.

В нашем представлении, циклы времени календарного года, полная смена фаз Луны, суточное структурирование времени в зависимости от движения Солнца по небосводу, как и масштабные комплексы возобновления космоса и календарного года, тождественны моменту возобновления жизни на очередном витке родового «достраивания» с момента рождения нового представителя рода (рис.) [6, с. 89–114].

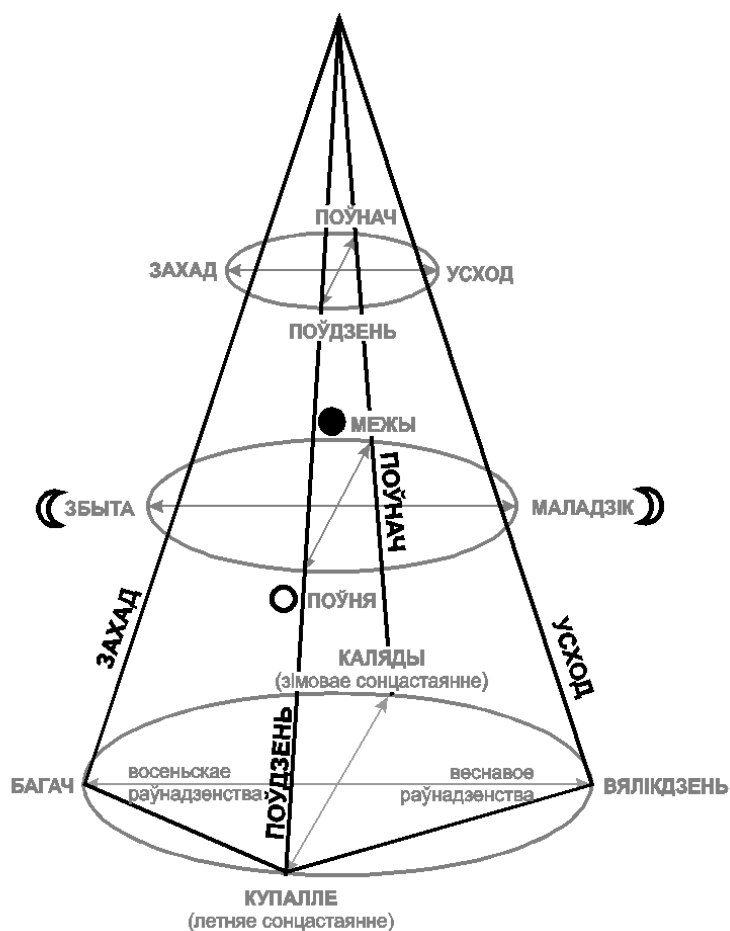

Рис. «Пирамида» как универсальная модель цикличности времени (солнечные год и сутки, лунные фазы) в соотношении с координатами пространства

Можно провести параллель между календарным годом и социально-культурным статусом женщины и отметить некое единство в рождении, развитии, становлении, физической и физиологической активности, переходе женщины в послеродовой период с вегетативным периодом земли и завершением ее активного плодородия.

Традиционные представления, сформировавшиеся вокруг беременности женщины и родов, – исключительное явление по мифосемантической насыщенности (единение мифического, мистического, ритуального, социального, магического). В связи с этим обряды рождения человека непосредственно связаны с мотивом «достраивания» нового образа мира. Рассмотрим это событие в плоскости бинарной оппозиции «роженица – новорожденный», в структуру которой вплетен такой важнейший персонаж, как повивальная бабка.

Многочисленные контексты соционормативной шкалы о беременности женщины дают основания говорить, что ее коммуникативные отношения (повседневные контакты с различными представителями социума, хозяйственная деятельность) постепенно будут сужаться до граничного предела. Система ограничений с увеличением срока беременности становится строже: *«не павінна заглядацца на “кульгачных”, сляпых, сухарукіх, накалечаных...; нельга шыць у святочныя дні...; рабіць што-небудзь у суботу, пасля захаду сонца...»* [1, с. 60–61]. Установившиеся ранее традиции также запрещали беременной женщине быть крестной матерью, присутствовать при переодевании невесты и многое др. [11, с. 161]. Всевозможные ограничения были нацелены прежде всего на сохранение плода. При этом принципиально изменялся и статус роженицы: носителя двух жизней, а значит и двух душ («по причине двоедушия») в одном целом (теле). Это прослеживается в народных молитвах (заговорах на легкие роды): *«Госпадзі Божанька, Матачка Насвенчая, Прасвятая Багародзіца, прыхініцеся, прыступіцеся. Сінія жылачкі, расчпіцеся, жоўтыя костачкі, расхініцеся. Душачкі – разлучыцеся. Калі галубок – няхай вылятае, калі галубка – няхай скоранька выплывае»*.

Состояние женщины в период беременности напоминало стихию воды-океана. Она теряла обычную форму, становилась менее подвижной, «цяхкай», «тоўстай», «цяхарнай». Приближалось время родов, трансформации ее экзистенциальности. То, что являло собой некую социальную и традиционную норму, должно было превратиться в изначальное природное состояние. Используемые при подготовке роженицы формулы, заговоры для большей эффективности сопровождались соответствующими действиями: следовало расплести волосы, развязать все узлы, снять нательный крест, перейти из дома в баню. Однако смена ее социокультурного и психобиологического статуса происходила, как правило, только при участии повивальной бабки, авторитет которой как посвященного человека был чрезвычайно высок. Она знала, как оста-

новить кровотечение, поправитъ положение плода, при необходимости простимулировать или приостановитъ процесс родов и т. п.

В различных этнографических собраниях приводятся десятки всевозможных примет, связанных с поведением роженицы в день родов и особенно в момент появления младенца на белый свет. Но из поля зрения исследователей ускользает массив заговоров, в текстах которых эти приметы связаны в единое мифологическое целое. В сакральных текстах прослеживается мифологический/магический тип мышления, который корнями уходит в первичный миф-архетип, содержащий процессуальную парадигму божественного деяния: *«Госпаду Богу памалюся, Прачыстай Божай Маці накланюся. Прачыста Божа Маці з прастола ўставала, рабе Божай (імя парадзіхі) дзіцятка адмаўляла, сустайчыкі адмыкала. Божая Маці да цэркаўкі ішла, залатыя ключы нясла, срэбныя замочки адмыкала, царскія вароты адчыняла. Вы, замочки, адмыкайцеся, царскія вароты, адчыняйцеся, рабе Божай (імя) сустайчыкі адчыняйце, маладзец, малодзенька, на гэты свет з'явіцеся. Гара, разайдзіся, камень, раскаіся, жалеза, растапіся, шкло, разбіся, вада, разліся <...>; маладзенец, малодзенька, на гэты свет з'явіся. Як хлопчык, то на коніку, як дзевачка, то на рыбінцы»* [2, с. 44–45]; *«Госпаду Богу памалюся, Маці Прачыстай памалюся. Ішла Маці з залатымі ключамі, з яснымі сакаламі. Залатыя замкі, разамкніцеся, царскія вароты, расчыніцеся, быстрыя рэкі, разайдзіцеся, расшырыцеся, а ты, раба Божая (імя), разлучайся быстра і лёгка, калі табе, раба Божая (імя), урэмя, то ражай і на рукі маладзенца падавай. Амін»* [Там же].

Как видно из приведенных примеров, в мифах, носящих явные следы христианского влияния, прослеживается и дохристианская основа. Если в контекст включить символическое состояние роженицы и мифологические реалии первотворения, это приводит к пониманию, что роженица и является воплощением хаоса, в чреве которого заложена потенция нового миротворения.

Происходит формализация заговора в противовес известным магическим текстам исцеляющего характера, в котором доминирует энтропия разлучения с плодом. Центральной фигурой текста заговора является Богородица/Пречистая Мать, открывающая золотыми ключами замки мироздания и его святая святых – царские врата. Ассоциативное поле заговора втягивает в процесс мировращения земные и небесные силы. Рождение ребенка возводится до уровня мифа первотворения – рождения нового мира из водной стихии первичного океана. Образ бабки-повитухи через упоминание «рук судьбы», принимающих новорожденного, ассоциируется с богиней. Особый статус повивальной бабки требовал, чтобы она обладала определенными качествами и придерживалась строгих правил: *ни ткать, ни прядь, только роды принимать.*

Напрашивается содержательная параллель между статусом беременной женщины и бабки-повитухи. Социум, семья, родственники возводили вокруг забеременевшей женщины настоящую духовно-мистическую стену-изгородь, ограждающую ее от всяческих бед, где доминировали определенные стереотипы поведения, уникальная система регламентаций и запретов, приближенных к статусу сакрального ритуала. Ограничивались и воспрещались культурные коммуникации, что напоминало возвращение в тотемические времена первобытного мифа. Причем ограничения распространялись на две стороны коммуникации. Социум с пониманием принимал необходимость свертывания контактов с целью не навредить ни женщине, ни ее будущему ребенку [11, с. 162]. Это еще одно свидетельство того, что культурный универсум уступал место мифологическому.

Положение бабки-повитухи в социуме было и регламентировано, и растянуто во времени и пространстве. Например, ей нельзя было участвовать в похоронных обрядах, прежде всего в омовении покойника [8, с. 30–31]. Повитуха сохраняла сакральный статус мифологического универсума (была посвящена в тайны миротворения), но одновременно оберегала культурную традицию, так как на ней лежала ответственность за введение новорожденного в поле этнокультурной традиции [4, с. 82–83].

Каждая деталь, особенность появления ребенка имели судьбоносный характер: например, родился вниз лицом, обвитый пуповиной или в «рубашке» [7, с. 367–374]. Первые минуты жизни новорожденного могли рассказать многое из того, что его ожидает в ближайшие дни и в отдаленной перспективе.

Следует отметить, что «достраивание» мира ребенка (в данном случае имеются в виду две сферы его бытия: ребенок сам по себе как биологическая структура и новый, зарождающийся вокруг него социальный мир) происходило в соответствии с годовым циклом. Формирование эмбриона (самый загадочный феномен природы) совершалось в течение физиологического года – девяти лунных месяцев, который тесным образом взаимосвязан с цикличностью Луны. Земное время его бытия соотносилось с фазовыми состояниями Солнца: «достраивание» младенца длилось в течение всего первого года жизни.

Первый этап «достраивания» ребенка начинался в руках повитухи. Она встряхивала его, заставляя заплакать, ощупывала суставы рук и ног (при необходимости «ставила» их на место), сегменты черепа и его «движущуюся» часть – «родничок», двумя пальцами правой руки слегка сжимала нос, чтобы был тонкий и красивый, а не расплоснутый, широкий, и т. д.

Первое ритуальное купание – следующий этап. Бабка-повитуха смывала с младенца следы пребывания в утробе матери (мировой океан)

и как стихию-первоэлемент для формирования миропорядка погружала в воду (космос) с ритуальными предметами, магическими текстами, заговорными формулами, добавлением «живой воды», т. е. освященной или взятой из трех источников и т. д.

Этап приобщения младенца к сложнейшему миру мифов, культуры, традиций, символов, знаков связан с обрядом имянаречения и выбором духовных (крестных) родителей. Феномен выпадения молочных зубов подчеркивает расставание с мифом-архетипом: первозданное возвращалось миру не-бытия: «мышке за печкой».

Как видим, основой для возникновения мифосемантических текстов и мифоритуальных практик стали традиции, непосредственно связанные с мифом-архетипом. Несмотря на то, что традиции как бы растворяются в контексте современного общества, мифоритуальные практики свидетельствуют о наличии мифологического сознания сегодня и «представляют собой некоторую рационализированную, регламентированную форму общественного поведения» [3, с. 8].

Так, в Бельничском районе сохранился ландшафтно-этнографический комплекс, посвященный языческой богине Маране (Мажане). Ему более тысячи лет. Он вписан в социокультурное пространство региона несколько столетий назад. В структурном отношении культовый комплекс представляет собой сложную конфигурацию. Вход в сакральное пространство оберегает крест в человеческий рост, справа от него находится камень-жертвенник с острым верхом, дугообразным углублением и камнем-чашей, куда собиралась кровь жертвенного животного, обычно петуха. Далее разворачиваются три круга разного диаметра, выложенные из камней. Здесь проходили обряды, в которых принимали участие исключительно женщины. В самом дальнем кругу от креста и жертвенника должны были находиться молодые женщины первого-второго года замужества. Во втором – основные продолжатели рода. Внутренний круг объединял женщин послеродового возраста, которые обращались с молитвами, заговорами к богине, защищающей в различных жизненных ситуациях (свадьба, рождение детей, похороны). Заметим, что молитвы времен двоеверия сохранились до наших дней. Этот факт говорит о том, что традиционное мифологическое сознание существует не только в символических формах, литературе, искусстве, но и в обрядах.

Таким образом, рождение космоса, Нового года и ребенка – феномены одного порядка в мифопоэтическом понимании категории «рождение». В основе лежала трансформация хаоса в космос с последующим запуском сложнейшего механизма инкультурации, предполагающего освоение многочисленных мифоритуальных практик, системы ценностных ориентаций, символических форм экзистенциального воплощения. Каждое из этих типологически тождественных явлений божественного

міроўстройства базіравалось на існуючым міфе-архетыпе, працэсуальным ядром якога з'яўляўся мотыв «дэстраіваўня» міра.

1. Беларускія народныя прыкметы і павер'і / уклад., прадм. і пер. У. Васілевіча. – Кн. 2 : Жыцця адвечны лад. – Мінск : Мастац. літ., 1998. – 607 с.
2. Замовы / уклад. : У. А. Васілевіч [і інш.] ; уступ. арт. Л. М. Салавей. – Мінск : Беларусь, 2009. – 519 с.
3. *Іванов, А. Г.* Міфо-рытуальныя практыкі: культурны феномен, элемент традыцыйнага і аснова сучаснага міфалогічнага свядомасці / А. Г. Іванов // *Изв. Рос. гос. пед. ун-та ім. А. І. Герцена*. – 2009. – № 87. – С. 7–18.
4. *Кабакова, Г. І.* Повітуха / Г. І. Кабакова // *Славянскія дрэўнасці: Этналінгвістычны сл.* : в 5 т. / Рос. акад. наук, Ін-т славянаведзена і балканистыкі ; пад агул. рэд. Н. І. Толстага. – М., 1995–2014. – Т. 4 : П (Пераправа праз ваду) – С (Сіто). – 2009. – С. 82–84.
5. *Катовіч, А. В.* Зімовыя святы / А. В. Катовіч, І. І. Крук. – Мінск : Мастац. літ., 2004. – 119 с.
6. *Катовіч, А. В.* Увасабленне феномена часу ў міфапаэтычнай і рытуальна-абрадавай спадчыне беларусаў : дыс. ... канд. культуралогіі : 24.00.01 / А. В. Катовіч. – Мінск, 2022. – 215 с.
7. *Котовіч, О. В.* Залотыя правілы народнай культуры / Оксана Котовіч, Янка Крук. – 14-е изд. – Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2020. – 590 с.
8. *Кухаронак, Т. І.* Радзінныя звычаі і абрады беларусаў: канец XIX–XX ст. / Т. І. Кухаронак. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 126 с.
9. *Леви-Стросс, К.* Структурная антрапалогія / К. Леви-Стросс ; пер. с фр. В. В. Іванова. – М. : Эксмо-Прэс, 2001. – 511 с.
10. *Пропп, В. Я.* Русскія аграрныя празднікі: (опыт історыка-этнаграфічнага існавання) / В. Я. Пропп. – М. : Лабірынт, 2004. – 176 с.
11. *Толстая, С. М.* Берэменнасць / С. М. Толстая // *Славянскія дрэўнасці: Этналінгвістычны сл.* : в 5 т. / Рос. акад. наук, Ін-т славянаведзена і балканистыкі ; пад агул. рэд. Н. І. Толстага. – М., 1995–2014. – Т. 1 : А – Г. – 1995. – С. 160–164.
12. *Эліаде, М.* Аспекты міфа / М. Эліаде ; пер. с фр. В. Большакова ; каммент. Е. Стругановай. – М. : Інвест-ППП, 1995. – 239 с.
13. *Эліаде, М.* Ачеркі сраўніцельнага рэлігіяведзена : пер. с англ. / М. Эліаде ; отв. рэд. В. Я. Петрухін. – М. : Ладомир, 1999. – 488 с.

Дата паступлення артыкула ў рэдакцыю: 12.03.2023.